

конференції). Івано-Франківськ. Вип. ELLSC. С. 229-234.

7. Давиденко А.О. (2015). Лінгвістичні аспекти перекладу ненормативної лексики. *Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету*. Серія: Філологія. Одеса. Вип. 19. Т. 2. С. 145 -147.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ РЕАЛИЙ В РАССКАЗАХ
В. СИЛАНТЬЕВОЙ «ВИЛКОВСКОЕ ДЕТСТВО»**

Ольга Шикиринская

кандидат филологических наук

Измаильский государственный гуманитарный университет

olyasikshik@ukr.net

Изучение региональной диалектической системы как части общенациональной культуры в соотношении с лексической системой литературного языка на современном этапе является перспективной областью исследований. Несмотря на то, что народные говоры остаются непрестижными формами языка для носителей языкового стандарта, общая тенденция к снижению норм литературного языка, расширению границ языкового общения, взаимопроникновение стилей в контексте общеевропейских процессов депопуляции и миграции населения, открывают новые возможности к распространению регионализмов и, соответственно, повышают научный интерес к их изучению.

Целью данного исследования является анализ региональных наименований реалий в автобиографических рассказах Валентины Силантьевой «Вилковское детство» (2013), которые в конце XX века использовали потомки старообрядцев на юге Одесской области (регион Южная Бессарабия или Буджак). Это полинациональный регион, в котором проживают представители украинской, русской, болгарской, румынской и других национальностей, мирно сосуществуя и обогащаясь традициями разных культур. Представителями регионального социума

являются и потомки староверов-липован, пришедших в Бессарабию в XVIII веке, а ныне компактно проживающие в Килийском районе Одесской области. По информации, размещенной Ириной Кучерявенко в публикации «Что ему церковные реформы...» (2010) со ссылками на архивные источники, в Измаильский уезд старообрядцы переселялись в разное время. Так, в селе Карячке они появились в 1802 году, в с. Жебрияны – в 1803 г., в с. Муравлевке – в 1807 г., в посаде Вилково – в 1746 г., в Килие – в 1820 г., в г. Измаиле – в 1811 г., в с. Новая Некрасовка – в 1829 г, в с. Старая Некрасовка – в 1812 г. [2, с. 282].

Центром сохраненной в Бессарабии культуры староверов является г. Вилково, около 70% жителей которого относятся к старообрядческой христианской конфессии. Город был образован не только старообрядцами, но и беглыми донскими и запорожскими казаками, которые скрывались от властей в дунайских плавнях. Беженцы селились на островах устья Дуная: Белгородском, Очаковском, Анкудиновом и Старостамбульском. Для снижения уровня воды и ведения домашнего хозяйства острова перекапывали каналами. Дома в старой части Вилково построены на укрепленных островках, а улицами между ними и были каналы, через которые для сообщения перекинуты деревянные мостики. Для укрепления берегов вдоль ериков высаживали деревья и вымощивали деревянную дорожку-кладку, которая и сейчас сохранилась на старых улицах. Уединенный образ жизни бессарабских липован, отдаленное от областных центров размещение города, строгие религиозные нравы привели к возникновению локального сообщества, что в языке его представителей отразилось появлением большого количества регионализмов.

Под лингвистическим термином «регионализм» мы традиционно понимаем разновидности внелитературных лексем, имеющие пространственно ограниченную форму существования. Лингвист Людмила Климкова в исследовании «Региональное слово в художественной речи» (1994) к перечню региональных лексем относит микротопонимы, микроантропонимы,

некоторые имена собственные, а также «этнографизмы, лексику тайного (условного) языка, региональные наименования некоторых реалий (типа детских игр, кушаний и др.), а также так называемые частотные диалектизмы» [1, с. 52]. Синонимичными термину «регионализм» выступают понятия «локализм», «провинциализм», а дискуссионным по отношению к ним – определение «диалектизм», подразумевающее функционирование языка в бесконтактной зоне с другими группами языков.

Расположенный в дельте Дуная маленький провинциальный город Вилково колоритно представлен в сборнике рассказов Валентины Силантьевой, уроженке этих мест. Валентина Силантьева – не просто писатель, она – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы Одесского национального государственного университета им. И.И. Мечникова. Автор вводит регионализмы в речь персонажей своих произведений и, как истинный ученый, пытается объяснить, что означает то или иное диковинное словцо в их устах. В предисловии к книге автор пишет: «Место, где жила я, назвали «посадам», то есть малым поселением, как бы не достойным называться «городом». А мне казалось, что моим землякам подарили для жизни воду большой реки и малый кусочек земли, чтоб вырос «город-сад» и чтоб слышалось в нем слово «сладость». Самым красивым местом на земле так и остался для меня этот маленький городок Вилково. В нем жили, в основном, рыбаки, которых называли «рыбалками», и бегали дети, которые умели переплывать затоки, сидели с удочкой на берегу ерика, играли в «балберку» и в «кремушки»» [3, с. 4].

Героями сборника рассказов «Вилковское детство» (2013) являются ребяташки Варя и Саша, – любознательные дети, активно познающие мир. Автобиографичность является стержневой линией произведений, а за образом Вари легко угадывается образ автора. Восприятие мира этими персонажами определяется богатейшей флорой и фауной нижнего Дуная, обязательным трудом в домашнем хозяйстве и возможностями

неконтролируемого взрослыми свободного перемещения по городу, построенном на каналах-ериках и намывных грунтах, которые выносит река.

Парадигма региональных лексем, представленная в сборнике рассказов Валентины Силантьевой «Вилковское детство», выглядит следующим образом:

вагань (сущ., мн.ч.) – лохань для хозяйственных нужд. Ваганы в Вилково не всегда использовались по назначению. Дети часто вытаскивали лохань из помещения и катались в ней по каналам, кидая на днище настил и управляя дощечками, выполнявшими функцию весел.

Когда-то и очень давно ваганьми называли неглубокую и широкую деревянную миску, похожую на блюдо. В этой посудине резали-измельчали вареную рыбу и мясо, а где-то далеко в московских землях еще и грибы. Ваньги в Вилково – это большое корыто, или лохань. Тяжелая. Оцинкованная. В ней мыли детей и стирали белье. По субботам вносили в жарко натопленную комнату. Наполняли кипятком с травами. Доливали холодной водой и парили-отмывали детей-голопузиков. Эту лохань-ваганы берегли, после водных процедур ставили на бок и высушивали – боялись ржавчины. Такая посуда могла служить много-много лет и даже несколько десятилетий [3, с. 7].

куга (сущ., ж.р., ед.ч.) – высушенный стебель рогозы, из которой мастерили поплавки для рыбалки.

Острым камешком отпилила кусочек длиной в палец, и попыталась приладить его к нитке, которая служила леской. Делалось это просто – ниткой-леской перетягивался краешек куги, а его хвостик, если клевала рыбка, и начинал дергаться на воде [3, с. 16].

поветки (сущ., мн.ч.) – решетка, служащая опорой для растений.

Откусывая от большого ломтя хлеба с повидлом, она запивала еду и обиду компотом, смотрела на большие виноградные листья и усы, что свешивались со шпалер, которые здесь называли «поветками» [3, с. 17].

селя́вки (сущ., мн.ч.) – мелкая рыбешка

И с кладки, что возле их забора, освещенные вечерним солнцем, они с мамой в две удочки ловили мелкую рыбку, которую здесь пренебрежительно называли «селявками» [3, с. 20].

Детвора называла всех маленьких рыбок «селявками» и было не понятно, как это «селявка» потом превращается то в кругляшку-окунька, то в длиненького чебачка. А оказалось все просто: белорусы называют селявой рыбку ряпушку; в русских городах Новгороде и Пскове – ряпушкой; поближе к Черному морю селява превращается в рыбку шамай (и даже в тарань). Все дело в том, что все разновидности этой семейки похожи друг на дружку – длиненькие, узенькие, спинка темнее, бока посветлей. Вот и получается, что рыба молодь, одинаково длиненькая, спинка темней, животик светлей – получила название «селявки» [3, с. 42].

бабайки (сущ., мн.ч.) – весла

Гребок – и из-под весла-бабайки выскакивает круглый бурунчик [3, с. 24].

метелі́ка – (сущ., ж.р., ед.ч.) – подёнки (крылатые насекомые-однодневки), обитатели ручьев, рек, стоячих водоемов.

В закатном посеревшем воздухе, в чуть потянувшей прохладе вдруг появляются косяки белокрылых небольших толи бабочек, то ли стрекозок. они кружатся и несутся над лодкой и над водой. Некоторые, вдруг упав, так и остаются в воде. Это пришествие

невесть откуда так красиво, так необычно, что Варька боится перевести дыхание. Белый хоровод все кружится, носится, падает и взлетает над ней. Кажется, кружевной фатой укрыли берега, воду, покрытую марлей из пуха, и лодку, что неспешно движется к Дунаю. «Июнь, – говорит мама, – вода цветет». «Метелі́ка», – вторит ей отец. Варьке это слово кажется праздничным, волшебным и непонятным. Только потом, не скоро, она узнает – это был метелик-подёнка, просто бабочка-личинка какого-то крылатого насекомого, которая являет себя в первый и последний день своего знакомства с миром. И так красиво расцвечивает этот мир. Все остальное – просто слово «метелі́к», по-видимому, прибежало из украинского языка, превратилось в метелі́ку и осело в Варькиных краях да еще в устье реки [3, с. 24-25].

кулю́чки (суш., мн. ч.) – детская игра в прятки (жмурки).

Никто не знал, откуда пришло это слово, но все знали, что им обозначают игру в жмурки-пряталки. В общем, один жмурит, остальные прячутся. только быстро, только в самых неожиданных местах. Разбегаясь кто куда, дети сначала покрикивают. Кто как, одни – просто «Ау!», другие – «А меня нет!». Потом все замолкают, а тот, кто жмурил, начинает искать. <...> А слово «кулю́чки» потом объяснилось. Оказывается, оно связано с голубиным «гули-гули-гулю́шки-гулю́кать» и обозначает «покрикивать». Действительно, когда детвора разбегалась прятаться, то и предупреждала «Еще нет!», «Еще нет!». Раньше кулю́чки были гулю́чками, а потом «Г» превратилось в «К» и пришло в Варькины края пряталками, которые любили все. Только вместо русского «прятаться» говорили украинское «ховаться». [3, с. 28-30].

ма́колка (сущ., ж.р., ед.ч.) – водяная лилия (кувшинка).

А ты знаешь, что когда-то лягушку рисовали на цветке лотоса и поклонялись ей. А лотос похож на нашу кувшинку, или, как ее называют у нас, на ма́колку [3, с. 46].

Хо́ка (Хы́ка) (сущ, ж.р., ед.ч.) – вымышленный персонаж, отталкивающий образ которого пугает детей.

Хокой, или Хыкой, здесь называли что-то или кого-то страшного-ужасного-безобразного, от которого нужно было прятаться. Хыкой пугали детей, Хыкой называли худых и неопрятных дядек-тётек, и вообще все, от чего нужно бежать, сломя голову [3, с. 47].

А еще на какой-то страничке интернета все та же любопытная Варя найдет стишок – о ком бы вы думали? – О Вилковской Хыке, с которой, оказывается, знакома и совсем незнакомая ей поэтесса Галина Косова. <...> Но, говорит дальше эта поэтесса, при близком знакомстве Хыка не страшна современным детям – просто она охраняет их, отпугивает от них все плохое и злое, а еще не дает «во что-нибудь вляпаться» [3, с. 50-51].

Регионализмы в структуре художественного текста Валентины Силантьевой приобретают статус особых текстовых единиц изолированного характера в связи с утратой их функционирования в языке. В условиях современной коммуникации их можно расценивать как экзотизмы. Региональная лексика, отраженная в ее творчестве, входит в различные тематические группы: лексика быта, флоры, фауны, фольклорная лексика. Восприятие и оценка семантики приведенных регионализмов происходит не на уровне активного использования в разговорной речи, а в процессе восстановления представлений архаичного характера. В связи с сокращением роли и сферы использования территориально ограниченной лексики в сельской местности, происходит нивелировка говоров, обусловленная современной демографической обстановкой. В связи с этим возрастает роль художественного текста, который является свидетелем времени.

Библиография:

1. Климкова Л. (1994). Региональное слово в художественной

речи. *Региональные аспекты лексикологии*. Тюмень: ТСУ. С. 52–73.

2. Кучерявенко И. (2010). «Что ему церковные реформы?..». *Эстетические парадигмы русской литературы и культуры*. Измаил: СМЛ. С. 280–306.

3. Силантьева В. (2013). *Вилковское детство: короткие рассказы*. Одесса: Астропринт. 73 с.

**ДЕЯКІ СПОСТЕРЕЖЕННЯ НАД ДИСКУРСОМ ФБ-СТОРИНКИ
БОЛГАРСЬКОГО ІНТЕРАКТИВНОГО КОНКУРСУ «НА ТРИТЕ ХЪЛМА»**

Олена Берестецька

викладач

Ізмаїльський державний гуманітарний університет

izmailovna_@ukr.net

Сучасне сьогодні стало несподівано однаковим для більшості людей планети. В ньому діють дві потужні тенденції: глобальна мережа інтернету об'єднує, а глобальне розповсюдження коронавірусу роз'єднує. Ці діаметрально протилежні складові людського буття неймовірним чином перетнулися на сторінці соціальної мережі Фейсбук, яка стала платформою локального інтерактивного конкурсу «На трите хълма». Створена на початку карантинних обмежень, а точніше 13 квітня 2020 року, сторінка отримала назву «На трех холмах» і сьогодні об'єднує 896 підписників з різних куточків світу, але всі вони пов'язані з болгарським селом Нові Трояни Болградського району.

В соціальній мережі Фейсбук існує достатня кількість сторінок, що репрезентують події з життя бессарабських болгар України. Про свою діяльність тут звітують як громадські організації, так і регіональні засоби масової комунікації, інформаційні агентства: Болгарський молодіжний клуб «Актив», Бессарабська ліга КВН, Конгрес болгар України, Болградська газета «Дружба», Болградские вести, Панорама Болград тощо. Сторінка «На трех холмах» – це унікальна історія організації локального